

Показатель иллатива ижорских односложных имен как индикатор скрытых морфологических механизмов

Во многих прибалтийско-финских языках форма иллатива единственного числа односложных слов образуется при помощи суффикса, качество гласного в котором определяется предшествующим (т.е. корневым) гласным, например: *maa-han* ‘земля-ILL’, *suo-hon* ‘болото-ILL’, *puu-hun* ‘дерево-ILL’, *pää-hän* ‘голова-ILL’ в финском [Хакулинен 1953: 88], *ma-ha* ‘земля-ILL’, *so-ho* ‘болото-ILL’ в вепсском [Зайцева 1981: 182], *ma-hase* ‘земля-ILL’, *so-hose* ‘болото-ILL’ в водском [Маркус, Рожанский 2017: 400]. Иногда гласный суффикса совпадает по качеству с предшествующим гласным (как в финском), иногда правило оказывается более сложным, как, например, в эстонском: *pä-he* ‘голова-ILL’, *tö-he* ‘работа-ILL’, *so-hu* ‘болото-ILL’ [Hebedová 2016: 126].

Суффикс с такого рода «нестабильным» гласным – довольно интересное морфологическое явление, которое практически не рассматривалось в теоретико-типологическом контексте. Ассоциируясь с другими, часто более изученными, явлениями, такими как редупликация, сингармонизм или эхо-гласные, оно в полной мере не является ни одним из них.

Прибалтийско-финский суффикс иллатива ставит перед исследователем ряд концептуальных вопросов, в частности:

1. Произошло ли «копирование» гласного корня в гласный суффикса когда-то давно, а затем гласный суффикса зафиксировался или же это продуктивный механизм, работающий каждый раз при построении формы иллатива?

2. Имеем ли мы дело с чисто фонетическим процессом копирования гласного или же здесь наблюдается некоторая система соответствия гласных фонем корня и суффикса, схожая с той, которая обычно наблюдается при сингармонизме?

Найти ответ на эти и подобные вопросы нередко оказывается затруднительно или даже невозможно, поскольку исследователь видит не процесс работы различных лингвистических механизмов, а лишь их результат, который у разных механизмов может быть одинаковым.

В свете подобных проблем исключительно ценным становится материал сойкинского диалекта ижорского языка. В этом диалекте произошел подъем долгих ударных гласных среднего подъема, в результате чего эти гласные слились с гласными верхнего подъема, либо заняли промежуточное положение между гласными среднего и верхнего подъема (выбор одного из возможных вариантов зависит как от носителя языка, так и от конкретной лексики [Кузнецова 2009: 127–133]). Этот процесс, в частности, затронул гласные в таких односложных словах как *töö* ‘работа’, *vöö* ‘пояс’, *šoo* ‘болото’, *tee* ‘дорога’, которые стали звучать как [tüü] ~ [töö], [vüü] ~ [vöö], [šuu] ~ [šoo], [tii] ~ [teē] соответственно. Но что же в такой ситуации должно произойти с гласным в показателе иллатива? Теоретически можно предположить несколько сценариев:

(1) Гласный показателя не изменился (тем самым «копирование» гласного – это непродуктивный, давно завершившийся процесс);

(2) Гласный показателя полностью совпадает по качеству с гласным корня (тем самым «копирование» гласного – это, скорее всего, продуктивный процесс, в основе своей имеющий фонетическую природу);

(3) Гласный показателя изменился, но не совпадает с гласным корня (в этом случае следует постулировать сложный морфонологический процесс, продуктивность которого требует дальнейшего исследования).

Исследования того, как подъем гласного корня повлиял на гласный суффикса иллатива, было проведено с использованием методов экспериментальной фонетики. Материал был взят из фонетических анкет, записанных от шести носителей сойкинского ижорского в 2014–2019 годах. В иллативах отмеченных выше слов ‘работа’, ‘пояс’, ‘болото’ и ‘дорога’ проводилось измерение первой форманты (F1) первого (корневого) и второго (суффиксального) гласных, и ее сопоставление с первой формантой гласных среднего и верхнего подъема, не подвергавшихся изменению, например, в словах *kõhã* ‘кашель’, *tüüni* ‘штиль’, *kovašt* ‘сильно’, *šuu* ‘рот’, *pehko* ‘куст’, *püi* ‘зубец’. Для фонетического анализа использовалась программа Praat [Boersma, Wenink 2020]. Значимость отличий между формантами разных гласных проверялась статистически.

Проведенное исследование показало, что единой стратегии, которая бы охватывала все рассмотренные случаи, не существует. Долгие огубленные гласные среднего подъема в большинстве своем превратились в гласные верхнего подъема (**öö* > *üü*, **oo* > *uu*) и такую же трансформацию испытал гласный в показателе иллатива: [*tüü-hü* ‘работа-ILL’, *šuu-hu* ‘болото-ILL’], в то время как в иллативе от слова ‘дорога’ повышение первого гласного не привело к повышению гласного показателя: [*tii-he*]. Этот факт объясняется нетривиальным соответствием гласных в иллативных формах: в отличие от финского, где гласный показателя всегда копирует предшествующий гласный, в ижорском корневому *ii* соответствует *e* в показателе: ср. формы иллатива от слова ‘зубец’, где в корне исходно был гласный верхнего подъема, в сойкинском ижорском и финском: *püi-he* vs *püi-hin*.

Однако описанная тенденция в ряде случаев нарушается. У одного из носителей долгий гласный не достиг верхнего подъема и во всех рассматриваемых словах гласный показателя точно копирует гласный корня: *tõõhõ* ‘работа-ILL’, *šõõhõ* ‘болото-ILL’, *tõõhõ* ‘дорога-ILL’. У другого носителя в *šõõhõ* ‘болото-ILL’ сохранились гласные среднего подъема. Возможно, это произошло из-за желания сохранить противопоставление этой формы с *šuuhi* ‘рот-ILL’. Еще у одного носителя поднятие гласного в суффиксе произошло лишь частично: *tüühõ* ‘работа-ILL’, что, по-видимому, не имеет простого объяснения.

Таким образом, можно утверждать, что механизм определения гласного в показателе иллатива сохранил свою продуктивность, но при этом совмещает разные сценарии, причем на выборе сценария сказывается и конкретный гласный, и конкретный идиолект, а возможно, и конкретная лексема.

Библиография

- Зайцева М. И. *Грамматика вепского языка*. Ленинград, 1981.
- Кузнецова Н. В. *Фонологические системы ижорских диалектов*. Дисс. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 2009.
- Маркус Е. Б., Рожанский Ф. И. *Современный водский язык. Тексты и грамматический очерк. 2-е издание, исправленное и дополненное*. Санкт-Петербург, 2017.
- Хакулинен Л. *Развитие и структура финского языка. Часть I. Фонетика и Морфология*. Москва, 1953.
- Boersma P., Weenink D. *Praat: doing phonetics by computer* [Computer program]. Version 6.1.37, retrieved 16 December 2020 from <http://www.praat.org>.
- Hebedová P. *Estonský a finský illativ v pohledu kognitivní gramatiky*. Disertační práce. Brno: Filozofická fakulta, Masarykova univerzita, 2016.